

На этот раз Юн Шань не проявил пощады: до тех пор пока Юн Ци не лишился сознания, юноша не останавливался.

Получив приятное удовольствие, Юн Шань пролил кровь старшего брата. Наследный принц поднял уголок одеяла, молча посмотрел на старшего брата и невольно втянул холодный воздух: белоснежное тело Юн Ци в некоторых местах было покрыто синяками и царапинами. Разумеется, только что в пылу страсти он, Юн Шань, вонзал в него ногти, а сейчас, обуздав свои желания, юноша не ожидал, что это будет выглядеть так серьёзно.

Бёдра, лежавшие на тюфяке, и слегка приоткрытые ноги находились в полном беспорядке и липкой сперме, которая служила доказательством преступления, а припухший вход выглядел жалко, но, как назло, Юн Шань не испытал сочувствия, вместо этого кровь снова бросилась в голову, а низ живота охватил жар.

Младший брат спешно отвёл взгляд, надел нижние штаны и, накинув верхнее платье, поднялся с постели.

Волей-неволей он огорчился.

Поступать непродуманно и ставить всё с ног на голову никогда не являлось его манерой. Ведь Юн Шань прекрасно знал, что старший брат болен, да ещё прокусил губу, так почему же вдруг пошёл до конца?

Ругая себя, юноша дошёл до края стола, взял с печки таз с горячей водой и махровое полотенце и, подойдя к бесчувственному Юн Ци, начал его обтирать.

Этот Его Высочество наследный принц ухаживал за неопытным старшим братом. Расторопно протирая руки и ноги Юн Ци, юноша много думал. С одной стороны, он боялся слишком долго держать открытым одеяло, так как старший брат мог замёрзнуть и заболеть, с другой же стороны, он опасался действовать слишком быстро и ненароком разбудить Юн Ци, к тому же он беспокоился, что из-за своей невнимательности опрокинет таз с водой, поэтому он, Юн Шань, действовал с особой осторожностью и, пока мыл Юн Ци, сам покрылся холодным потом.

Наконец поставив прохладную воду обратно на стол, юноша мельком увидел, как из-под одеяла Юн Линь тихо высунул голову.

Юн Шань подошёл к кровати, посмотрел на место, где был зад Юн Линя, убрал одеяло и с силой шлёпнул по ягодицам младшего близнеца, а затем приглушённым тоном спросил:

— Ребёнок осмелился подглядывать за старшими?

Юн Линь отбросил ватное одеяло от себя, сел прямо и с улыбкой сказал:

— Насколько ты старше меня? Да, я ребёнок, а ты что, взрослый?

— Тихо. — Юн Шань сделал жест рукой и внезапно с искренней улыбкой посмотрел на младшего близнеца. — Спасибо большое.

Юн Линь бросил взгляд на другую сторону кровати, поморщил нос и обессиленно низким тоном проговорил:

— Давай договоримся, чтобы это было в последний раз. Мои старшие братья, вы что творите? Думали о собственном веселье, и только. Вас хоть заботило, как я себя чувствовал в этот момент? В одной камере подняли и плач, и шум, я ведь не глухой.

Выказывая недовольство, Юн Линь заметил, что чем дольше говорит, тем больше ему становится неловко. Закрыв рот, он пристально посмотрел на Юн Шаня и через минуту смущённо спросил:

— Что с ним?

— В обморок упал. — Юноша нахмурил брови, но вскоре расслабил их и медленно проговорил: — Тело старшего брата стало хуже, чем раньше. Неизвестно, что произошло за те несколько дней. По правде говоря, наложница Ли является его матерью, но она ничего не сделала, чтобы защитить сына. Почему за несколько дней моего отсутствия он так ослаб?

Юн Линь, фыркнув, сказал:

— Если ты не знаешь, то мне-то откуда знать? Придворный лекарь Чэнь помалкивает, а на всё, что ни спросишь, получишь непонятный вздор в ответ. Ту Дун тоже не большая фигура, у кого он узнает, кто издевался над старшим братом Юн Ци, пока тот был во дворце? Не исключена возможность, что это Юн Шэн. Или из-за того, что он навредил тебе, начал испытывать муки совести, и внутреннее зло смешалось со всякими болезнями.

Близнецы переговаривались шёпотом, а потом, немного помолчав, только хотели продолжить разговор, как снаружи раздались громкие, рвущие горло крики:

— Что ещё за преступление? Я не верю! Проваливайте! Отпустите меня! Я хочу встретиться с отцом-императором! — И эти слова повторялись непрерывно.

Вскрикнув, Юн Линь спрыгнул с кровати и, подбежав к двери, приложил к ней ухо. Слушая, что происходит за пределами камеры, юноша странно заулыбался:

— Как этот крик... греет душу! Ха-ха!

Он поднял руку и беспорядочно застучал по двери, крича:

— Есть кто-нибудь? Тут есть кто-нибудь?

Юн Шань в душе удивился его бестактности, только останавливать было поздно, юноша спешно вернулся к Юн Ци, плотнее укрыл его толстым ватным одеялом, а на уши положил две маленькие мягкие подушки, чтобы старший брат не проснулся от шума.

С того момента, как Огненный император Янь-ди приказал запереть близнецов во Дворце Наказаний, с Юн Шанем и Юн Линем обходились с каждым днём всё лучше; чтобы можно было кого-нибудь позвать, за дверь дежурил слуга Цзаи, выполнявший разные поручения.

Стоило Юн Линю крикнуть, как дверь камеры тотчас же открылась, и вошедший в комнату Цзаи, вытянув руки в знак уважения, спросил:

— Какие пожелания есть у Вашего Высочества?

Юн Линь сел рядом с печкой, потёр руки и с важным видом спросил:

— Кто-то только что очень громко кричал снаружи. Что случилось, а?

— Отвечаю Вашему Высочеству: это его Высочество Юн Шэн кричал. Государь только что издал указ схватить Его Высочество Юн Шэна и временно заключить его во Дворце Наказаний...

— Вот те на! — Юн Линь вскочил на ноги и расхохотался. — А я тогда говорил ему! Действительно отрадно! — Обернувшись и шлёпнув Юн Шаня, он продолжил: — Старший брат, это всё равно расценивается как удача. Боюсь, это войдёт в исторические свитки: в эпоху нынешнего императора четыре родных его сына были брошены во Дворец Наказаний. Эта интересная история запомнится на века. Эй, скорее позови вашего главного Мэнь Ци, скажи ему, что Его Высочество Юн Линь просит его, чтобы он переселил Юн Шэна в нашу тюрьму, и считай, все мы будем вместе. Я, может, очень скучаю по пятому младшему брату! — Последнюю фразу он сказал, обращаясь к Цзаи, выполнявшему разные поручения.

Пальцы разжимались и сжимались в кулак, издавая неприятный хруст, и давали понять, что Юн Линь задумал нечто дурное.

— Юн Линь сказал это в шутку, не нужно принимать его слова всерьёз. Убирайся прочь. — Юн Шань махнул рукой и отослал слугу, который не знал, как быть. Как только дверь закрылась, юноша обратился к младшему брату: — Я знаю, что недавно ты подвергся гневу Юн Шэна и как тебе хочется отплатить ему тем же. Только мы, братья, все потерпели бедствие, попал сюда. Тот, кто по-прежнему хочет устроить ссору внутри гнезда[1], разве может считаться хорошим человеком? Что ни говори, а он является сыном императора, прояви немного хороших

манер, чтобы люди видели.

Юн Линь был вне себя от счастья, однако после нравоучений Юн Шаня, который словно окатил его холодной водой, внезапно разозлился и, фыркая, сказал:

— У меня нет таких манер, как у тебя, старший брат! Не стоит забывать: если бы Сюань Хунинь не стал преградой, то Юн Шэн уже давно бы переломил твой позвоночник тем железным прутом. К тому же разве тогда он думал, что мы — братья?

Юн Шань понимал, что если продолжит поучать младшего близнеца, то это приведёт к ссоре. Не найдя ничего лучше, юноша прикусил нижнюю губу и, опустив голову, стал приводить в порядок нежные локоны ещё не проснувшегося Юн Ци, во всяком случае, прямодушный и мягкий по характеру Юн Линь мог только плевать на огонь.

И действительно, немного поворчав себе под нос, юноша больше не проронил ни слова.

Однако Юн Линь, вновь не в состоянии сдерживать себя, медленно прошёлся по комнате туда-обратно и несколько раз описал круг, после чего не удержался и по своей воле заговорил с Юн Шанем:

— Старший брат, скажи, о чём в итоге думает отец-император? Хорошо, держать нас здесь в заключении это ещё приемлемо, как-никак мы вовлечены в серьёзное преступление против секретаря императора, однако вслед за этим он отправляет сюда ещё и старшего брата Юн Ци из-за какого-то странного проступка. А сейчас добрался и до Юн Шэна. Тот хоть и мерзавец, вот только в каком преступлении он виновен? В конце концов, для чего отец-император заключил четырёх сыновей во Дворце Наказаний? Он что, совсем из ума выжил?

— Заткнись, — Юн Шань помрачнел. — Юн Линь, ты снова осмелился непочтительно относиться к отцу-императору. Берегись, иначе я не пощажу тебя.

— Я прав, неужели отец-император не выжил из ума? Есть ли где в мире отец, который заключит своих родных сыновей в тюрьму?

— Это дело сложно понять, тебе не стоит спрашивать.

— Ты можешь понять, а мне нельзя? Что там сложно понять? Старший брат, ты скажи, скажи, и я сразу пойму.

Юн Линь пристал к старшему брату, доставляя много хлопот и надоедая. Боясь, что юноша разбудит Юн Ци, Юн Шань неожиданно зло посмотрел на него:

— «Совершенноумудрый бесчеловечен», тебе это известно?

Юн Линь остолбенел и с крайней искренностью покачал головой:

— Нет, мне это неизвестно.

Поначалу старший близнец хотел разозлиться, но вопреки этому легко улыбнулся и, поглаживая затылок Юн Линя, проговорил:

— Подожди, когда мы выйдем, я не спеша тебя научу. Ты, увы, настолько испорчен, что не согласишься старательно учиться.

На самом деле, услышав от Цзай, что сегодняшним заключённым является Юн Шэн, Юн Шаню тотчас же стал понятен замысел Огненного императора Янь-ди.

Пришло время позаботиться о людях Юн Шэна.

У Огненного императора Янь-ди методы были крайне жестокими, однако на самом деле он поступал так с благими намерениями. С виду могло показаться, что Юн Шэна притесняют, сначала схватив его, а потом заключив во Дворце Наказаний, но на самом деле его брали под охрану, чтобы не позволить ему всё глубже погрязнуть в интригах. Сначала юношу безжалостно усмирят и разобьют его сумасбродные идеи, а после начнут совершенствовать душу и воспитывать характер, только тогда он, Юн Шэн, сможет наслаждаться жизнью.

Едва вечер окутал небо, Юн Ци проснулся. Недавно Юн Шань был с ним бесцеремонен, подобно волку и тигру [2], отчего ноги юноши по-прежнему непрерывно дрожали, а лицо было очень бледным. Второй младший брат, в душе испытывая стыд, лично помог старшему брату одеться и собирался его покормить.

Но, заметив, как Юн Линь украдкой смотрит на него, Юн Ци понял причину и, находясь в стеснённых обстоятельствах, не находил себе места от стыда, а если он, лёжа в постели, ещё позволил бы Юн Шаню кормить себя, то было бы ещё неудобнее. Потому-то юноша настоял на том, чтобы подняться с кровати и, сев за стол, поесть.

Юн Шаню не удалось его переубедить, и он был вынужден проговорить:

— Как старший брат пожелает. Только раз уж можешь встать с кровати, то обязательно съешь немного больше. — Прижавшись к щеке, юноша прошептал: — Если мало съешь, то я накажу старшего брата.

Юн Ци вспомнил, как Юн Шань в прошлом «наказывал» его, и на его лице промелькнула тень смущения.

Раньше юноша лишь боялся и ненавидел старшего близнеца, однако сейчас, вспоминая это, в душе чувствовал, как разливалось благоухание невидимого цветка, которое пробуждало

пьянящее желание.

Слуги подали горячий ужин, и три брата сели за стол.

— Негодяи знают своё дело, с каждым разом подают отменные вино и еду.

Юн Линь, будучи открытым, хоть и не примирился с кражей письма и причинением вреда Юн Шаню, но увидев, что Юн Ци представляет из себя ходячий скелет, к тому же после недавнего соития, когда юноша непрерывно стонал, утешая старшего брата-близнеца, невольно смягчился.

Более того, всё же раньше Юн Ци был просто братом для Юн Шаня, и этого хватило, чтобы последний так долго злился на самого Юн Ци.

Лучше всего было стереть прошлое из памяти, и Юн Линь разлил вино по трём чашечкам.

— Давайте, старший брат Юн Ци, старший брат Юн Шань, осушим три наших чашечки. Я также хотел высказаться о том, что было раньше. Однако так или иначе, не мы столкнулись с самой большой неудачей. Не бойтесь, вино не холодное, а, наоборот, тёплое. Сначала выпьем за уважение и благоговение. — И, запрокинув голову, юноша выпил чашечку вина.

После того как Юн Ци попал во Дворец Наказаний, он тотчас же почувствовал ненависть к себе со стороны Юн Линя.

Он с детства горячо любил этого младшего брата, а сейчас не только на голову Юн Шаня, но даже на Юн Линя обрушилось несчастье. Сверх того это он, Юн Ци, был повинен в бедах братьев. Всегда находясь перед Юн Линем, он опускал голову, не в силах поднять её, и каждый раз под пристальным взглядом третьего младшего брата чувствовал себя неловко.

А сегодня ещё переспав с Юн Шанем, юноше было ещё совестнее перед Юн Линем, и он уже был готов к язвительным насмешкам третьего младшего брата, но юноша никак не ожидал, что Юн Линь нальёт пиалку вина и скажет такие тёплые слова, отчего глаза Юн Ци внезапно охватил жар, и он, не позволяя Юн Шаню останавливать себя, поднял чашечку и проговорил:

— Эту чашечку необходимо осушить.

Выпив крепкого вина, Юн Линь с довольно примирительной улыбкой и отличным самочувствием тотчас же воодушевлённо кивнул:

— Хорошо! Выпьешь эту чашечку, и я тогда, как и старший брат Юн Шань, скажу: мы, братья, квиты.

Запрокинув голову и выпив полчашечки, Юн Ци внезапно поперхнулся и сильно закашлялся, да так, что покраснела шея.

Юн Шань спешно помог ему, похлопав по спине, и проговорил:

— Старший брат, не торопись, я уже говорил: тебе не следует пить. — Произнося это, юноша холодно посмотрел на нарвавшегося на неприятности Юн Линя и с широкой улыбкой сказал: — Ладно, ты что, действительно, наострив уши, слышал всё от начала и до конца?

Юн Линь широко открыл рот, ненадолго окаменев, после чего внезапно расхохотался, честно сознаваясь:

— Мы ведь в одной камере, и дело не в том, помнили вы или нет о моём присутствии, а в том, что даже под ватным одеялом звук всё равно проникал в мои уши. Ну и какой у меня был выход?

Юноша так понятно объяснился, что два старших брата растерялись. Тоже верно, если вспомнить, что они сблизилась, прекрасно зная, что рядом находится младший брат-близнец, то теперь не было необходимости настойчиво надевать на себя маску порядочности.

Заметив неловкую улыбку Юн Ци, Юн Шань в итоге отпустил сердце [3] и, отвесив Юн Линю звонкую затрещину, сел и стал накладывать еду в миску старшего брата.

От такого шума неловкая атмосфера, наоборот, исчезла на восемь или девять минут. Юн Ци, подвергшись назойливым уговорам Юн Линя, вновь выпил менее половины чашечки вина, на его щеках проступил румянец, а сам юноша иногда поглядывал на сидящего рядом Юн Шаня. Иссиня-чёрные глаза младшего брата вновь просияли, взгляд был мягким, даже лёд, которым юноша обдавал старшего брата, исчез. Юн Шань сначала боялся, что из-за сидящего напротив Юн Линя старший брат вновь отстранится от него, поэтому всё время был настороже. Однако заметив, как Юн Ци время от времени бросает на него тихий взгляд, юноша в душе успокоился, всё тело охватило радостное чувство, ещё больше воодушевляя.

На столе были вина и кушанья. Большая часть ужина проходила в беседе, даже Юн Ци бессознательно съел достаточно много еды.

— Нужно потерпеть, отец-император вскоре может выпустить нас отсюда.

Услышав слишком уверенные слова младшего брата, Юн Шань специально подразнил его, с усмешкой сказав:

— Тебе известны намерения отца-императора?

— Прости меня, старший брат, что означает «совершенномудрый бесчеловечен», я, конечно

же, не знаю. А от книг и лекций господина Вана мне тотчас же хочется спать, хорошо, что вы ещё увлекаетесь этим. И тогда, предавшись моим пустым мечтам, представьте, что нас отсюда скоро выпустят. Идёт? — Пережёвывая оленину, Юн Линь дерзко сказал: — Если выпустят, то знаете, что я хочу сделать? А-а, сначала узнаю, где обитает Юн Шэн, и все его сокровища в пух и прах...

— Юн Линь.

— Ясно! Нужно быть умеренным! Почему бы не насладиться едой или разговором? Что ж, ладно, я скажу серьёзно. — Юн Линь опустил голову и, немного поразмыслив, обнажил шелковинку серьёзности. — Когда я выйду, то составлю матушке компанию на несколько дней. Когда наступит это время, боюсь, она будет обеспокоена, раньше она хотела, чтобы я сидел в её дворце вместе с ней, а не создавал повсюду беспорядок. Я ещё с ней тогда поссорился, а сейчас, вспоминая, я действительно был непочтительным к родителям. — И юноша вздохнул.

Слова младшего близнеца вызвали в Юн Шане чувство любви.

Поначалу наследный принц переживал, что Огненный император Янь-ди расправится с наложницей Шу, и считал себя никчёмным и испорченным наследником престола, который не мог найти выход из затруднительного положения. Согласно словам Огненного императора Янь-ди, если новый император будет постоянно путаться с Юн Ци, а наложница Ли и наложница Шу скрываться в стенах императорского дворца со своими прихвостнями, тогда все корни переплетутся [4], создавая поистине мёртвый узел [5], и эту проблему нельзя будет решить, не пролив чей-то крови.

Примечания:

[1] Обр.: Между собой

[2] Обр.: свирепый, жестокий.

[3] Обр.в знач.: успокоится.

[4] В оригинале фраза звучит как «переплетённые корни [и спутанные коленца] растения», обр. в знач.: сложное, запутанное дело; путаница, хаос.

[5] Обр. в знач.: трудноразрешимый вопрос.

<http://bllate.org/book/13372/1189625>